

О двухъ писателяхъ.

Хотя я не помню уже, когда и гдѣ это было, я расскажу вамъ все-таки эту забавную исторію.

И такъ, въ одной странѣ, въ одномъ и томъ же городѣ жили два писателя, и оба писали новеллы и рассказы, которыя жителямъ той страны очень нравились.

Но писатели ни въ чемъ не походили другъ на друга.

Одинъ изъ нихъ писалъ о мирѣ и покоѣ жилищъ обитателей той страны, объ ихъ удобствахъ и о гостепримствѣ хозяевъ ихъ.

Онъ рассказывалъ о томъ, какъ молодая дѣвушка полюбила юношу и какъ хорошо было имъ вмѣстѣ ночью въ тѣни деревьевъ. Онъ описывалъ кроткій свѣтъ лампы въ дѣтской комнатѣ и мать надъ спящимъ въ колыбели ребенкомъ. Онъ рисовалъ жизнь семьи, тревоги и праздники ея. Онъ рассказывалъ о томъ, какъ въ красиво убранныхъ комнатахъ собирались гости, какъ были они любезны и привѣтливы къ хозяевамъ и другъ къ другу и какъ хорошо проводили съ ними время свое.

И всему, о чемъ писалъ онъ, онъ сочувствовалъ, любя жизнь тѣхъ людей и ихъ самихъ.

Но не только радости ихъ служили предметомъ его рассказовъ. Онъ говорилъ своимъ читателямъ, что жизнь—подвигъ, что тяжела и трудна она, и что ему жаль ихъ, слабыхъ и одинокихъ среди тревогъ и ударовъ ея. Въ его рассказахъ люди были жестоки къ героямъ этихъ рассказовъ, и они—герои его—жаловались на несправедливость жизни къ нимъ, на суровость ея и требовали у людей любви къ себѣ и сочувствія. Они говорили, что любовь къ ближнему должна направлять жизнь человека, а они не видятъ ея въ поступкахъ окружающихъ ихъ. И недовольные, они роптали и жаловались на жизнь и называли ее долгомъ, печальнымъ и тяжкимъ.

И когда жители той страны читали обо всемъ этомъ, они чувствовали любовь къ писателю за его доброе сердце.

Читая его, они жалѣли себя, проникались

уваженіемъ къ своимъ страданіямъ и еще больше начинали любить себя самихъ.

Другого писателя они тоже любили и жадно читали его, а когда онъ шелъ по улицѣ города, передъ нимъ разступались и низко кланялись ему. Въ праздники его почитатели ходили иногда за нимъ толпой, и, когда онъ останавливался въ раздумьи или садился за городской стѣной у крѣпостныхъ воротъ, они молча стояли на нѣкоторомъ разстояніи отъ него и слѣдили за тѣмъ, что дѣлалъ онъ.

Съ первымъ писателемъ они охотно вступали въ бесѣды и звали его на свои праздники, но второй казался имъ особеннымъ, непохожимъ на нихъ, и они даже немного боялись его: онъ укорялъ и вниль ихъ во многомъ, и въ его сердцѣ не было жалости къ нимъ.

Онъ такъ говорилъ имъ:

— Я несу къ вамъ съ собой новую религію, религію полноты жизни и свободы творческаго духа. Полнота жизни—вотъ идеализмъ ея! По вокругъ себя я слышу только скрипъ зубовъ, перетирающихъ пищу. И я зову на свой судъ все человѣчество, васъ всѣхъ... Я самъ призналъ за собой право на это и въ этомъ сила моего права... Я буду судить васъ! И я спрашиваю васъ, что слѣдали вы за длинный рядъ тысячелѣтій? Я вижу предъ собой лишь огромную гниющую язву, которая кишитъ мириадами червей... И эту язву вы называете жизнью!

Жалкіе, ничтожные люди! Не отреченію отъ жизни и благъ ея учу я васъ, но полнотѣ жизни. Вы же не хотите отъ нея ничего кромѣ хлѣва и поила, которое стоитъ передъ каждымъ изъ васъ, и всѣ вы съ жадностью смотрите на поилку сосѣда вашего. Отъ этого такъ мало доводится у васъ другъ къ другу и когда вы сходитесь, вы подозрительно слѣдите другъ за другомъ и уже заранѣе въ каждомъ видите врага своего. Поэтому такъ щедры вы на порицанья, и такъ рѣдко можно отъ васъ услышать похвалу другому. Вы—большіе челоѣконенавистники, ибо вы—жадные и завистливые трусы. И о любви къ ближнему вы говорите такъ много не потому, что чувствуете въ себѣ отвагу и силу; вы не любите хотите другихъ, но требуете къ себѣ любви и вниманія отъ вашихъ ближнихъ, какъ больные люди или капризные дѣти. И когда вы говорите о томъ, что жизнь

—тяжела и люди жестоки, мнѣ стыдно не только вторить вамъ, но даже слышать васъ. Вы думаете, что страдаете, но вы страдаете потому только, что слишкомъ избалованы жизнью и уколъ булавки принимаете за смертельную рану. Счастье человеческой жизни—въ свободномъ творествѣ ея, вы же думаете лишь о томъ, чтобы сберечь свою шкуру. И я спрашиваю васъ, неужели никогда не посылало васъ желаніе быть безумно смѣлыми, гордыми и сильными; неужто творческій духъ навсегда умеръ въ васъ? Человѣкъ долженъ быть героемъ, чтобы быть достойнымъ имени человѣка, и, если вы такъ ничтожны, бессильны и такъ низки, что не способны быть героями, тѣмъ хуже для васъ! Вы погибнете... Но я знаю, я вѣрю, что на мѣсто васъ придутъ иные люди и принесутъ съ собою жизнь полную и яркую, ибо они не привыкли, подобно вамъ, бояться ея и робко стоять въ сторонѣ отъ нея, дабы уберечь свое поило. Они слѣдуютъ вѣлѣніямъ своего сердца, и потому въ нихъ живетъ творческій духъ и сила и отвага, нужная для творчества, есть въ нихъ. Я вѣрю, что они придутъ, ибо, еслибъ не было у меня вѣры въ это, то не стоило бы жить мнѣ...

Такъ укорялъ онъ обитателей страны, и они любили слушать его...

Оба писателя жили уже много лѣтъ, когда однажды въ городъ, въ которомъ жили они, явилась смерть.

Скелетъ ея, лишенный мяса, кожи и мускуловъ, былъ одѣтъ широкимъ покровомъ. Складки его пугались между реберъ, и она лѣвой рукой опраивала его, а въ правой крѣпко держала блестящій и острый книжалъ. Изъ широкаго рта глядѣли гнилые зубы, а на ея голомъ черепѣ мѣстами держались еще куски кожи, и на нихъ росли рѣдкіе и сухіе сѣдые волосы. Въ ямахъ ея глазъ двигались, шурша, могильные черви и падали оттуда внизъ на складки одежды и землю, точно гнойныя слезы...

Она пришла въ городъ и, собравъ горожанъ на площади, сказала имъ, что одному изъ писателей должно умереть: но она хочетъ быть милостивой къ нимъ и потому предоставляетъ имъ самимъ выбрать, кого изъ писателей долженъ поразить книжалъ ея.

Тогда жители города стали упрашивать ее, чтобы она пощадила обоихъ, но она была непреклонна и, улыбаясь своей неподвижной улыбкой, спросила ихъ, котораго изъ двухъ писателей они больше любятъ. И челюсти ея скрипѣли

при этомъ такъ, будто алмазь рѣзаль стекло.

—Мы любимъ обоихъ, отвѣчали они. Первый такъ сострадателенъ къ намъ.

— Но за что любите второго? спросила она и затряслась отъ безшумнаго смѣха, а изъ глазъ ея посыпались черви.

— Какъ же не любить его!.. Когда мы читаемъ его, каждому изъ насъ начинаетъ казаться, что это онъ — тотъ гордый, отвѣдный духомъ, о которомъ говоритъ писатель. И тогда всѣ сосѣди представляются намъ злыми и глупыми, мы чувствуемъ себя выше всѣхъ и больше вѣримъ въ правоту свою и порядковъ своей жизни.

Когда смерть услышала это, она заскрипѣла злорадно костями своей челюсти, словно желѣзные клинокъ стали точить о камень.

— Но все таки одинъ изъ нихъ долженъ умереть!—сказала она.

Тогда жители стали совѣщаться, какъ быть имъ, и, наконецъ, пришли къ рѣшенію.

— Мы—люди кроткіе и незлобные,—сказали они,—и намъ жаль писателей. Но, если ты захочешь быть доброй, ты, вѣроятно, согласишься на нашу просьбу: пускай никто изъ нихъ не умираетъ, но второй изъ нихъ сойдетъ съ ума.

— Хорошо, пусть будетъ такъ!—сказала смерть, качаясь отъ смѣха. И она ушла изъ города, прямая и высокая, путаясь въ складкахъ своей одежды и звеня костями.

А писатель, обреченный на безуміе, почувствовалъ вдругъ, какъ мозгъ его стягиваетъ подъ черепомъ какал то сила и давить на него... Потомъ точно упалъ занавѣсъ передъ нимъ, скрывъ отъ него жизнь и людей, и онъ погрузился въ черную тьму...

Жители той страны были очень довольны, что у нихъ явилась возможность ухаживать за писателемъ, который казался прежде столь могучимъ и неравнымъ имъ, и жалѣть его. Они гордились тѣмъ, что такъ берегутъ и любятъ его. И когда онъ шелъ вдоль улицы, ему протягивали куски хлѣба и сыпали въ его руки мелкія блестящія монеты.

А тѣ, которые хвалили его ранѣе изъ страха и лицемѣрія, слушая то, что говорилъ онъ, замѣчали другимъ:

— Видишь, что онъ говоритъ. Онъ всегда былъ сумасшедшимъ, и мы всегда считали его такимъ и указывали вамъ на это и на безуміе ученія его...